

Да здравствует
демократическая республика!

ЦѢНА ОТД. № ВЪ 45 К. И НА СТ. 50 К.
РОЗН. ПРОДАЖЪ ЖЕЛ. ДОР.

306M
1917N
НОВЫЙ

САТИРИКОН

№ 32

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1917
СЕНТЯБРЬ

СТОКГОЛЬМСКАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ.

Рис. Ге-ми

Русскій делегатъ: — Эхъ, жаль, французскаго языка не знаю...

Чехъ: — Пустяки... И не надо. Здѣсь иностранцевъ не будетъ. Только наши да ваши.

— Удивительно похоже на фронт...
 — Почему это?
 — Да, какъ же: выстрѣловъ не слышно, нѣмцевъ не видно, а люди, сломя голову, бѣгутъ.

К Н Я Ж Н А.

Мѣняя Петроградъ въ мечтательномъ апрѣлѣ
 («Назойливъ слишкомъ сталь фабричный ѣдкій чадъ») —
 На свѣтлый барскій домъ, построенный Растрелли,
 Княжна хранитъ прадедовскій укладъ.

Въ отставкѣ капитанъ, сосѣдами ославленъ:
 — Ему Романовъ ли, свобода, — все равно —
 Ломаясь и смѣясь, о прошлогодней травлѣ
 Рассказываетъ барышнямъ красно.

Княжна сердита. Онъ рассказываетъ снова:
 Легко ль ему терять на свадьбу лишній шансъ!
 За ломбернымъ столомъ — издѣлье крѣпостного —
 Раскладываетъ бабушка пасьянсъ.

Зато по вечерамъ въ двухсвѣтной бѣлой залѣ
 Сулитъ таинственность часовъ докучный ходъ,
 И англійскій романъ, отысканный въ журналѣ
 За восемьсотъ пятидесятый годъ.

Подъ утро почтальонъ. «Какъ славно встать до свѣта,
 Посылки разбирать — сестрѣ, кузинѣ, мнѣ...
 Ахъ, писемъ нынче нѣтъ!» Отброшена газета:
 Ни жениха, ни брата на войнѣ.

А что за толкъ читать о русской вольной силѣ,
 О мукахъ родины! Мечты сломалъ февраль.
 Никто не поддержалъ склоненныхъ бѣлыхъ лилій...
 Эхъ, вы, дворяне! Скучно и не жаль.

Солдатамъ-мужикамъ отдать гвардейцу шпату;
 Забывъ преданія и вѣрность и гербы
 И снова присягать, сломавъ свою присягу!
 Не все ль равно? Рабы — всегда рабы.

Они сильнѣй, сильнѣй... А были батраками!
 Но къ царской мантии вовѣкъ возврата нѣтъ.
 ...Подъ легкими и быстрыми шагами
 Едва скрипитъ разохщійся паркетъ.

Владиміръ Пруссакъ.

У Ъ З Д Н О Е.

(Письмо изъ провинціи.)

«Многоуважаемый Борисъ Сергѣевичъ!

Много было дѣлъ и хлопотъ, всякой суеты, — что называется «милліонъ терзаній», — и только теперь собрался вамъ написать. Въ городѣ работа кипитъ, и по всей вѣроятности у насъ все быстро наладится, такъ что даже никакого Учредительнаго Собранія не понадобится. Вы въ Петроградѣ

тамъ устраивайте, вамъ все равно дѣлать нечего, а мы люди дѣла, пустяками заниматься не хотимъ.

Вы просите написать о политическомъ положеніи нашего уѣзда. Извольте. Положеніе у насъ прекрасное. Съ того момента, какъ «паль проклятый царизмъ, и всякій русскій гражданинъ сталь вдыхать кислородъ трудовой демократіи вмѣсто зловоннаго амміака застѣнка», такъ начинается моя брошюра: «Русская свобода и вывозъ стекловиды», изданіе клуба «Набатъ свободы». Съ первыхъ же дней у насъ образовалась революціонная власть. Правда, въ самомъ началѣ изъ губерніи прислали намъ какого-то комиссара, но мы живо показали ему, по чемъ сотня пребешковъ. Приѣхавъ этотъ самый комиссаръ и началъ говорить о необходимости порядка, объ устраненіи дезертировъ и т. п. Сначала мы рѣшили дѣйствовать мирнымъ путемъ; я и Сеня Кудишъ написали ему письмо въ сдержанной и корректной формѣ:

«Слушайте, комиссаръ! Революціонная демократія нашего уѣзда понимаетъ, что вы, — кадетъ. Убирайтесь къ вашимъ Дарданелламъ и другимъ англо-французскимъ банкирамъ, а нашихъ дезертировъ оставьте въ покоѣ».

Письмо это мы подписали: «Исполнительный Комитетъ международнаго союза любителей свободы и народнаго мщенія». Это письмо не оказало никакого вліянія. Мы рѣшили дѣйствовать тверже, и Иванъ Петровичъ Сивухинъ сорвалъ въ клубѣ три банка, заложенныхъ комиссаромъ. Но и это не помогло. Тогда мы посадили комиссара въ тачку, запрягли въ нее зубного врача Фрумкина, — самаго толстаго человѣка въ городѣ, — и вывезли за границу.

Послѣ удаленія комиссара все пошло какъ по-маслу, и уѣздъ организовался на стропо революціонныхъ началахъ. Мы имѣемъ свой совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, имѣемъ комитетъ общественнаго спасенія и центральное бюро общественныхъ организацій, куда входятъ «Союзъ пекарей», «Канализаціонная лига» и «Кружокъ любителей пѣнія и музыки». На ряду съ этими общими революціонными организаціями у насъ дѣйствуетъ «Международный союзъ рѣзчиковъ по дегеву» и «Временный блокъ бухгалтеровъ и кондукторовъ». Сіонисты блокируются съ «Союзомъ псаломщиковъ», а мусульманская фракція заключила временное соглашеніе съ «Комитетомъ трактировладельцевъ».

Первое время насъ очень смущало то, что въ нашемъ городѣ, находящемся, какъ вамъ хорошо извѣстно, въ центральной полосѣ, нѣтъ ни одного представителя угнетенныхъ окраинъ. Съ Малороссіей дѣло быстро поправлено; если вы помните, — въ городѣ есть парикмахерская Шугаенко подъ фирмой: «Леспольдъ». Этотъ самый Шугаенко сдѣлался председателемъ мѣстнаго отдѣла: «Союза освобожденія Украйны». Но съ Финляндіей, признаюсь, пришлось поработать не мало. Въ нашемъ городѣ нѣтъ ни одного финна! Но Костя Лунцъ, самый изобрѣтательный и умный человѣкъ стараго и новаго свѣта, выручилъ изъ бѣды. Лунцъ встрѣтилъ садоваго куплетиста Безрыбина и уговорилъ его сдѣлаться финномъ.

— Мамочка, — отбрыкивался куплетистъ, — да я не только не финнъ, но ни разу даже не былъ въ Финляндіи и о всѣхъ ея Стокгольмахъ и Копенгагенахъ имѣю самое поверхностное представленіе...

— Бросьте, — насѣдалъ на него Лунцъ, — пустяки! Отъ васъ ничего не отвалится. Не были финномъ, а теперь будете. . .

Куплетистъ согласился и вступилъ въ «Центральный комитетъ» подъ именемъ — Безрибиаиненъ.

Долженъ вамъ сказать, что внутренняя работа отдѣльных комитетовъ наладилась блестяще. Недавно мы издали декретъ о воспрещеніи вывоза почтовой бумаги и о предѣльных цѣнахъ на китовый усъ, мы уже выработали проектъ будущаго соглашения съ Америкой по поводу ловли котиковъ въ Беринговомъ проливѣ. Забылъ вамъ сказать, — аптекаръ Пинесъ избранъ уѣзднымъ генеральнымъ секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ, и я вамъ скажу, что этотъ Пинесъ бѣдовый парень! Онъ написалъ Ллойд-Джорджу, такую ноту, что чертямъ тошно станетъ, — а Бюкенену онъ послалъ предписание немедленно потребовать паспорта.

Законодательная дѣятельность нашихъ комитетовъ весьма разнообразна. Мы ввели таксу для извозчиковъ на 1927—1928 годъ, приняли рядъ мѣръ для борьбы съ возможностью возникновенія тропическихъ лихорадокъ и ввели обязательную трудовую повинность.

Наша группа выпускаетъ газету: «Борьба»; я состою членомъ редакціоннаго комитета. Твердо помня ваше наставленіе, сказанное мнѣ по поводу моей литературной дѣятельности: «глупые стихи обязательно должны печататься на очень мягкой бумагѣ», я примѣняю его со всей строгостью къ начинающимъ авторамъ. Политическое обозрѣніе ведетъ Коля Лядонскій, и я убѣжденъ, что въ скоромъ времени его переманитъ какая-нибудь крупная столичная газета. Онъ напечаталъ рядъ прекрасныхъ статей: «Молчи Англія!» (о тяжеломъ положеніи слоновъ на индійскихъ плантаціяхъ), «Гасители революціи» (о позорныхъ дѣйствіяхъ французскаго

генерала Бонапарта), «Учись, Керенскій!» (поучительные примѣры изъ опыта политическаго движенія четырехкласснаго коммерческаго училища, имени купца Краснухина), и еще много другихъ статей. Корреспонденціи изъ Лондона и Парижа пишетъ телеграфистъ Поповъ, какъ лицо, находящееся въ непосредственномъ контактѣ съ западно-европейскими центрами. «Маленькій фельетонъ» пишу я, — и не буду скромничать, — довольно удачно. Въ особенности мнѣ удалась статья: «Гадины буржуазіата», въ которой я основательно продернулъ содержателя мѣстной билліардной «Успокоеніе».

Что касается нашего отношенія къ Временному Правительству, то я могу васъ успокоить: всѣ слухи о ближайшемъ началѣ военныхъ дѣйствій ровно ни на чемъ не основаны. Дѣйствительно, мы призывали нашихъ резервистовъ, но я думаю, что Терещенко не рискнетъ прибѣгнуть къ войнѣ и передастъ дѣло Гаагскому трибуналу. Въ связи съ этимъ фельдшеръ Хрулевъ и массажистка Копанъ-Бельведерская готовятся выѣхать за границу — при чемъ по пути они вступятъ въ переговоры съ Трульстрой и Брантингомъ. Нашъ комитетъ получилъ секретныя свѣдѣнія, что Вандервельде и Альбертъ Тома также хотятъ вступить съ нами въ переговоры, но мы принципиально не работаемъ съ такими буржуями, изъ которыхъ первый въ свое время являлся однимъ изъ прокуроровъ на дѣлѣ Дрейфуса, а второй сильно скомпрометированъ своими сношеніями съ Людовикомъ XVI.

Аресты у насъ происходятъ каждый день. Это очень весело. Позавчера во время обыска въ домѣ реакціоннаго буржуя подрядчика Шапиро, тетка этого Шапиро разрѣшилась отъ бремени. Мы составили протоколъ и передали дѣло прокурору.

Яблокъ и сливъ въ этомъ году много. Огурцы чудесные. Если Временное Правительство пойдетъ на уступки, и мы от-

ГЕРО И ЧЕ СКАЯ ДУША.

Рис. В. Лебедева.

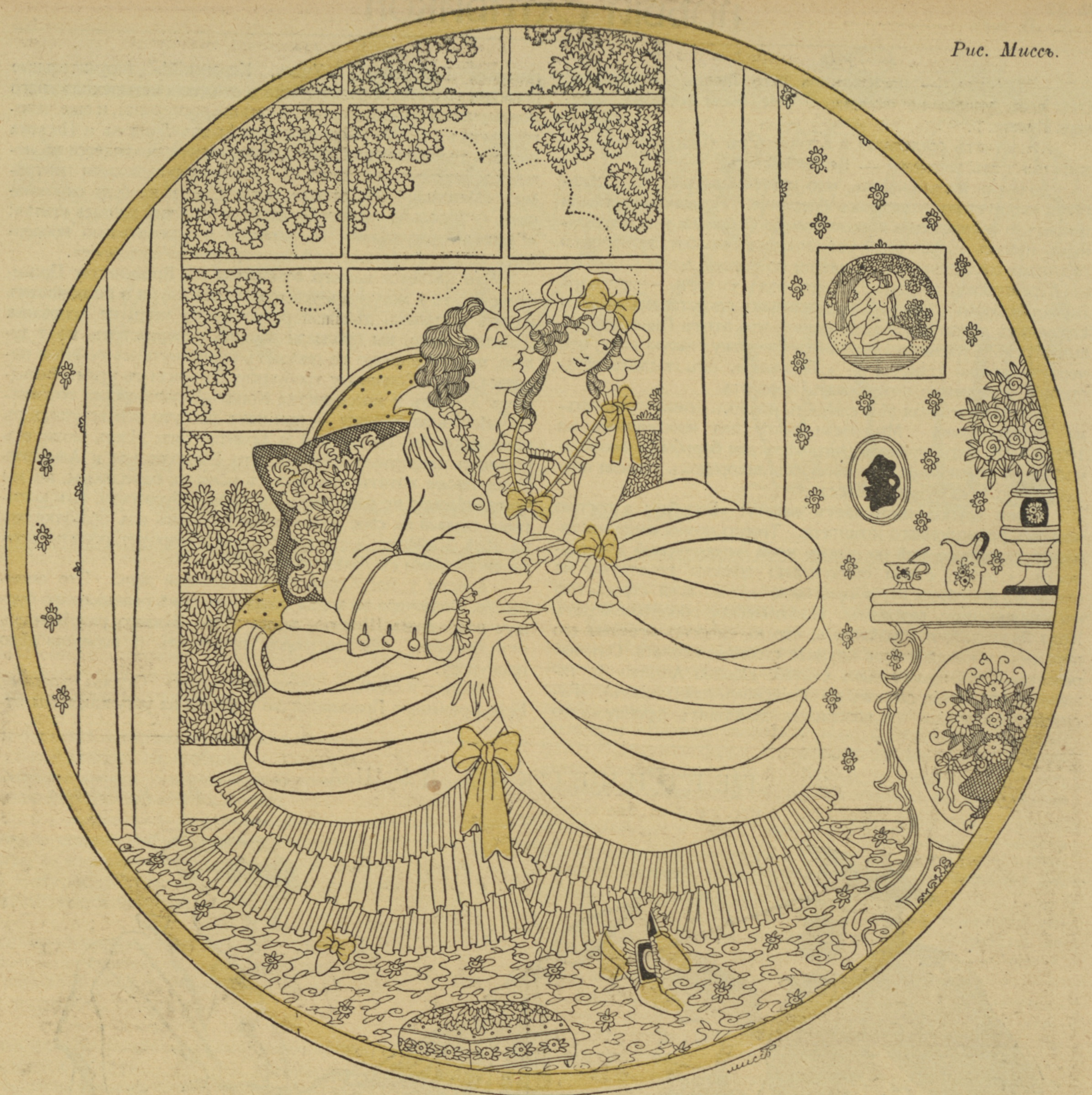

— Такъ что крестикъ пожалуйста: знамя вынесъ изъ боя...

— При какихъ обстоятельствахъ?

— Обстоятельства-то обнаковенныя. Полкъ, значить, въ одну сторону на нѣмцевъ пошелъ, а я со знаменемъ въ другую побѣжалъ. Стрѣлять хотѣли и то не остановился...

З А М Ъ Ч А Н І Е   Н Е   Л О Ж Н О Е .

Нѣкій сердцеѣдъ дѣвицѣ имъ соблазненной сказалъ.

— Лизета дражайшая, если бы былъ я царемъ, за одинъ твой поцѣлуй землю свою отдалъ бы...

На что отвѣтъ получилъ резонный:

— И подь судъ попалъ бы, сударь мой, ибо всѣ земельныя сдѣлки циркуляромъ господина министра воспрещены строго.

кроемъ нашу границу — пріѣзжайте на мѣсяць отдохнуть.
Маня и Савелій Ивановичъ кланяются.

Вашъ Петя».

* * *

Это письмо я получилъ вчера. Мѣсто отправленія, — небольшой уѣздный городъ; отправитель — Петя Кургузовъ, славный девятнадцатилѣтній юноша неопредѣленныхъ занятій.

Я не осуждаю Петю и его товарищей; но я думаю, что, если бы Петя встрѣтился съ покойникомъ Дантономъ или покойникомъ Гамбеттой, — они нашли бы о чемъ поболтать.

Бор. Мирскій.

Е Я Ч А С Ъ .

Когда очнулся я отъ боли, —
Разсвѣтъ, забрезжило, какъ кошмаръ,
Открылъ взухабленное поле;
Съ болота поднимался паръ.

Дороги сновъ невыразимы:
Затерянный среди степей

Мнѣ виденъ былъ мой домъ родимый
И признаки родныхъ церквей,
Гдѣ, подь глухіе перезвоны,
Въ мерцаньи матоваго дня —
Дьячки выходятъ на амвоны
Молиться Богу за меня...

А здѣсь, по мокнущему склону
Вокругъ раскинулись тѣла,
И стонъ немедля вторилъ стону,
И смерть бродила здѣсь, ждала.

«Какая тяжкая работа,
И сколько дней уже подь рядъ!»
Потомъ еще шепнула что-то,
И отвела усталый взглядъ.

И уходя, едва сѣрѣла,
Въ объятыхъ стынущихъ болотъ
И тихо, тонко что-то пѣла,
Чуть оглашая бѣлый сводъ;

Что безысходнѣй, что чудеснѣй,
Когда пронзить смертельный страхъ,
Услышать звукъ унылый пѣсни,
Увидѣть скуку на устахъ? —

Но мы не видимъ: страхи — слѣпы,
А пѣсня скуки не слышна:

Съ grimасой страха сходимъ въ склепы, —
 Что тамъ разскажетъ намъ она?
 И заглушенная туманомъ
 Пѣснь долетѣла, какъ отвѣтъ:
 «Я, — дочь вселенскаго обмана, —
 Мой часъ, — магическій разсвѣтъ».

Дэви.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Сотрудникъ антука.

Есть такой старей-старей армейскій анекдотъ. Приходитъ къ командиру солдатъ и докладываетъ:

«— Такъ что разрѣшите доложить, ваш-бродь, что вчера былъ я пьянъ.

— Дуракъ, да вѣдь ты же и сегодня пьянъ.

— А объ этомъ я завтра доложу».

Анекдотъ старъ, какъ Горемыкинъ. Но теперь его почему то понадобилось повторять знаменитому Малиновскому. По словамъ газетъ:

Бывшій членъ Г. Думы провокаторъ Малиновскій, находящійся въ настоящее время въ Германіи, гдѣ, по порученію германскаго правительства, ведетъ агитацію среди нашихъ военнопленныхъ, обратился съ прошеніемъ къ министру юстиціи разрѣшить ему пріѣхать въ Россію для дачи показаній по дѣлу большевиковъ и въ частности Ленина. Малиновскій требуетъ гарантію неприкосновенности.

— Малиновскій? По дѣлу большевиковъ? Провокаторъ?

— Такъ точно, ваш-бродь.

— А какъ же ваше собственное дѣло?

— А по этому поводу я второй разъ изъ Германіи пріѣду.

Освѣдомители.

Осипъ Дымовъ разсказываетъ о такомъ пониманіи русской революціи американцами.

Популярнѣйшая изъ американскихъ газетъ пишетъ:

«Керенскій помогъ Россіи освободиться отъ царя.

Чхеидзе, по всей вѣроятности, поможетъ Свѣту Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ освободиться отъ Керенскаго.

Потомъ Ленинъ поможетъ освободиться отъ Чхеидзе, и такъ черезъ хаосъ и анархію Россія придетъ къ абсолютизму, который всегда неизбѣжное слѣдствіе анархіи».

Интересно какъ же будетъ дальше: снова царя — Керенскій, Керенскаго — Чхеидзе, Ленинъ — Чхеидзе, Николай II — Ленина?

ЧТО ДѢЛАЮТЪ ЛЮДИ, КОГДА СЕРДЯТСЯ.

Рис. В. Леодева.

Китаецъ вѣшается на дверяхъ врага.

Русскій бьетъ.

А финляндецъ, — онъ спокойно и продолжительно ломаетъ рубль. Дешево и сердито.

Вотъ какъ не хорошо знать о Россіи только сказку о дѣдкѣ и рѣпкѣ и писать по ней исторію нашей революціи.

Легкій способъ.

Много писали объ измѣненіи распisanія болѣзней, освобождающихъ отъ военной службы совсѣмъ, или на время.

Очень плохое распisanіе было раньше. Хуже, чѣмъ распisanіе дачныхъ поѣздовъ — каждый понимаетъ какъ хочетъ. Но быть сегодняшняго дня ввелъ еще одинъ пунктъ, по которому совсѣмъ легко быть свободнымъ отъ тяготъ воинской жизни:

Ростовъ-на-Дону. На почвѣ недовольства солдатъ... полка бригаднымъ врачомъ, въ полку возникли волненія. Вчера была назначена комиссія для освидѣтельствованія больныхъ солдатъ, въ числѣ которыхъ оказался большой процентъ здоровыхъ. Признанные здоровыми, стали высказывать недовольство. Собралась большая толпа солдатъ, которая арестовала бригаднаго врача и остальныхъ членовъ комиссіи, угрожая врачу самосудомъ.

- Скажите, вы что, освобождены?
- Почти.
- По первому разряду?
- Больше, по седьмому: врача арестоваль.

Зубры стили нуво.

Большевистскія газеты иногда надрывно увѣряютъ, что война ведется исключительно благодаря интересамъ Керенскаго. Скоро такъ и будутъ онѣ называть его: Кирь Атилловичъ Керенскій-Чингисъ-хань-Тамерландскій.

Съ чувствомъ искренняго удовлетворенія надо сознаться, что это очень глупо.

Но не болѣе умно захлебываться утвержденіемъ „Рѣчи“ по поводу мирнаго предложенія папы:

Его предложеніе совершенно тождественно съ предложеніемъ циммервальдцевъ.

Причислять и папу къ циммервальдцамъ довольно неостроумно. Развѣ только, если гражданинъ Винаверъ претендуетъ на папскій престолъ — ну, тогда иное дѣло... Борьба такъ борьба...

Горшечная Россія.

Бываютъ такія маленькія-маленькія событія, которыя прекрасно символизируютъ большія.

Вотъ хотя бы такой случай изъ городской хроники:

На Горшечной ул., на Охтѣ, раздалось нѣсколько выстрѣловъ, и перепуганные прохожіе бросились въ разныя стороны, спасаясь отъ пуля.

Виновникомъ стрѣльбы оказался какой-то хулиганъ, котораго и задержали.

Онъ назвался Петромъ Зубковымъ.

Такъ и по всей Россіи... Вся она сейчасъ стала какой-то Горшечной улицей. Одинъ стрѣляетъ, всѣ бѣгутъ, а поймаютъ стрѣлка и взятки гладки: Петръ Зубковъ. Противъ такого оправданія ничего не скажешь. Каждый вѣкъ имѣетъ свое оправданіе. У кого Ричардъ Львиное Сердце, у кого Мирабо, у кого Кромвель, а у кого и просто: Петръ Зубковъ.

А объ этомъ Петръ вѣдайте жизнь ему не дорога.

Чужая, конечно.

ОБЕЗЬЯНА.

У зеркала, кривляясь, обезьяна
Сама къ себѣ такую рѣчь вела:
— Не понимаютъ люди (очень
странно),
Какъ я мила!

Какъ я во всемъ, въ ихъ дѣйствіи
вникая,
Имѣвъ чемъ угодно двадцать дамъ
очковъ,
То сложныя дѣянья совершая,
То пару пустяковъ.

Сомнѣнья нѣтъ. Судьбой къ великой роли
Я призвана. Людей я научу
И дерганью зубовъ безъ боли,
И ка-чу-чу.

Вотъ бритва. Утромъ ею брился
Хозяинъ мой, защечные мѣшки
Намыливъ добѣла, и, видимо, гордился
Движеньями руки.

Гордился онъ, и брился онъ, и мылся...
А я, красавица? Талантъ явлю ли свой
Угрюмымъ скептикамъ? Хозяинъ скрылся.
Хоть часъ — да мой!

И бритвой полоснувъ по волосатой шеѣ,
Мартышка брякнулась, отъ боли завизжавъ...
Предсмертной влагою потѣя,
Разрѣзъ зіяющей зажавъ,

Навыоротъ пробормотавъ молитву,
Сказала горестно: «Коварство вижу вновь:
Предатели подсунили мнѣ бритву,
А не морковь!»

А. С. Гринь.

ПТИЦА-СЕНТЯБРЬ.

Я знаю: официально, по календарю, сентябремъ называется двѣнадцатая часть года, мѣсяць. Мѣсяць сентябрь. Его ставятъ какъ дату на прошеніяхъ въ разныя учрежденія. Напримѣръ въ главное акцизное управленіе можно подать такое прошеніе:

«Покорнѣйше прошу выдать мнѣ разрѣшеніе на право полученія ведра виннаго спирта на предметъ пьянства на дачѣ. Ибо мочи нѣтъ жить въ трезвомъ состояніи съ надоѣвшей, постылой женой». И т. д.

И подъ прошеніемъ поставить: сентябрь такого-то.

Все это я знаю, и все-таки сентябрь представляется мнѣ... птицей. Почему птицей? Не знаю. Я поэтъ. А развѣ можетъ поэтъ объяснить, почему ему такъ кажется, такъ чувствуется... Кажется, и только. Да, такъ я утверждаю: сентябрь, это птица. Онъ похожъ на фазана. Только фазанъ разрисованъ масляными красками, а сентябрь — акварель. И вмѣсто перьевъ здѣсь листья: золотые, мѣдные, красные, какъ угли костра...

Я только что видѣлъ птицу-сентябрь. Она побѣжала по дорожкѣ парка и усѣяла ее яркими листьями. Птица теряетъ листья и къ концу мѣсяца будетъ голой, жалкой и смѣшной. Но теперь она прекрасна. Она красивѣе жарь-птицы. А можетъ быть сентябрь-птица и жарь-птица это одно и то же. Не знаю...

Съ громкимъ смѣхомъ погнался бы я за птицей по дорожкѣ парка, если бы она мной была моя любимая, моя милая... Но ея нѣтъ. И я печально, равнодушно смотрю на птицу и думаю:

— Пропала жизнь поэта; ахъ, какая это ненужная жизнь!..

По узкимъ, скрипящимъ лѣсенкамъ я поднимаюсь на башню дачи и смотрю оттуда на западъ. Солнце зашло. Западъ красный, какъ вино... Вспыхиваетъ глупенькая мысль: вино пьютъ, а западъ нѣтъ. Мнѣ видно, какъ къ станціи подошелъ поѣздъ. Смотрю на дымокъ, вьющійся изъ трубы паровоза, и думаю мечтательно:

— Съ этимъ поѣздомъ пріѣхала моя любимая. Сейчасъ она придетъ сюда. Я встрѣчу ее у калитки и дамъ розу... Она въ дорожномъ платьѣ, саквояжикъ черезъ плечо. Милая!.. Мы будемъ весь день гулять среди осеннихъ дачъ. Я расскажу ей странную исторію о птицѣ-сентябрѣ, а птица будетъ бѣжать впереди какъ собака. Можетъ быть, мы погонимся за ней со смѣхомъ...

— Чего ты торчишь на башнѣ? Принеси воды для самовара! — кричитъ мнѣ снизу жена.

У С П О К О Е Н І Е.

— Милиционеръ! Я васъ два часа кричу... У меня квартиру ограбили... Ни одной вещи не оставили...
— Ну и прекрасно. Значить, теперь вамъ и ворозъ бояться нечего.

У насъ нѣтъ прислуги, и я ношу воду, рублю дрова, хожу въ лавку. Я люблю это дѣлать. Приятно смотрѣть на холодную воду, голубую, какъ сталь. Отъ тяжелыхъ ведеръ и рубки дровъ мои руки стали упругими, крѣпкими, какъ у борца. Ахъ, какъ бы я теперь снялъ мою любимую!..

— Скорѣй!.. — кричитъ жена.

Я торопливо сбѣгаю по лѣсенкамъ внизъ.

— Принеси воды и поставь самоваръ! Съ этимъ поѣздомъ пріѣхалъ Иванъ Семеновичъ. Придетъ сейчасъ. — Говоритъ мнѣ жена. И спрашиваетъ, смотря въ сторону: — ты пойдешь сегодня къ морю?

Иванъ Семеновичъ, — любовникъ жены. Когда онъ пріѣзжаетъ, я ухожу къ морю. Я не ревную, нѣтъ. Развѣ можно ревновать къ такому ничтожеству. Да и жену я не люблю. Впрочемъ, если бы даже любилъ, я не ревновалъ бы. Ревность — чувство рабовъ, а я свободенъ.

— Да, я пойду къ морю, — отвѣчаю я женѣ. — Мнѣ хочется послушать, что сегодня рассказываетъ море.

Я приношу воду, ставлю самоваръ, потомъ подаю его на столъ, за которымъ уже сидитъ Иванъ Семеновичъ. Я кланяюсь ему.

— Трудитесь? — спрашиваетъ онъ меня съ улыбкой. — Это хорошо, Богъ труды любитъ...

Я срываю нѣсколько астръ и ухожу къ морю. Впереди бѣжитъ птица-сентябрь.

«Какъ собака...» — думаю я со смѣхомъ и свищу.

Птица роняетъ нѣсколько листьевъ и заворачиваетъ въ улицу налѣво.

— Куда жъ это она? Вѣдь надо къ морю...

Я останавливаюсь, думаю и тоже иду налѣво.

— Ага, она бѣжитъ въ чайную, — догадываюсь я и смѣюсь.

Въ чайной накурено, туманъ... Одурѣвшіе отъ ханжи мужики рычатъ другъ на друга. Я здороваюсь съ буфетчицей. Она накрашена и блеститъ, какъ новая вывѣска.

— Вотъ вамъ цвѣты, — подаю ей астры.

Она смѣется и засовываетъ цвѣты за корсажъ.

Потомъ подаетъ мнѣ въ чайникъ ханжу, и я напиваюсь.

— Гдѣ птица сентябрь? — кричу я. И заглядываю подъ столики. — Почему ее не впускаютъ сюда?

Буфетчица смѣется и садится ко мнѣ на колѣни.

Я обнимаю ее и шепчу на ухо:

— Мы пойдѣмъ съ тобою къ морю. Тамъ теперь никого нѣтъ, никого... Море расскажетъ намъ...

Буфетчица хохочетъ и кричитъ:

— Назююкался, курносый!.. Пойдемъ, пойдѣмъ!.. — И она тащитъ меня къ себѣ въ комнату.

— Кто ты? — спрашиваю я. — Ты моя милая? Ты пріѣхала? Ха-ха-ха! Въ дорожномъ костюмѣ и саквояжикъ черезъ плечо. Можно поцѣловать вамъ руку?.. Но почему темно и кто это стучитъ въ окно? Ахъ, это просится въ комнату птица сентябрь. Впустите ее, впустите!..

Кто-то цѣлуетъ меня. Я плачу...

Николай Бреневъ (В. Черній.)

М А Н И Ф Е С Т Ъ.

Вы, ученые, важные, какъ набитая чучела,
Вы, дѣльцы, упоенные городской суетой,
Мнѣ увѣренность явного нестерпимо наскучила,
И его объявляю я лишь своею мечтой.

Вы, дворцы и парламенты съ неуклюжею мебелью,
Господа, очевидные, какъ банальнѣйшій фактъ, —
Я, поэтъ, непочтительно объявляю васъ небылью,
Отвергая, какъ вымыселъ, ваши право и тактъ.

Вы, такіе безспорные въ вашей силѣ или хилости,
Вы, такіе серьезные въ самомнѣнн смѣшномъ,
Вы лишаете жизни насъ, будто вашей же милости,
Ну, а я непочтительно объявляю васъ — сномъ!

Вы сконфуженно меркнете, какъ ракета отъ сырости:
«Объявлять насъ миражами? Это — просто скандалъ»
Возражать? Вы должны лишь родиться и вырасти...
Попросите вы лучше-ка, чтобы я васъ создалъ!

Эммануиль Германъ.

К Л Ю Ч И С Ч А С Т Ь Я

Рис. А. Радакова.

„Папа обратился къ воюющимъ державамъ съ нотой о мирѣ“.

(Изъ газетъ.)

Папа: — Пусть то, чего не смогли сдѣлать когти нѣмецкаго орла, сдѣлаетъ твоя кротость, голубица мира.

Разгрузка Петрограда началась.

МЕМОУАРЫ БУДУЩАГО.

У одного моего приятеля есть сын, лѣтъ 8. Часто, когда я бываю у его отца, мальчикъ подходит ко мнѣ и, доврчиво смотря въ мои глаза, спрашиваетъ меня о томъ, какъ мнѣ жилось, когда и я былъ мальчикомъ.

Медленно и вѣрно я пытаю его дѣтскую душу. Я рассказываю ему, какъ я покупалъ на копейку три конфеты, какъ я бродилъ одинъ по улицамъ, какъ меня заставляли пить молоко...

Несчастный ребенокъ слушаетъ меня, роняя маленькія печальныя слезинки. Однажды, онъ сказалъ съ какимъ-то глубокимъ болѣзненнымъ надрывомъ:

— Ты думаешь, что я еще маленькій, и рассказываешь мнѣ глупости? Я не вѣрю.

И ушелъ. Послѣ, какъ мнѣ говорили, онъ долго плакалъ въ дѣтской.

Когда ему будетъ лѣтъ шестьдесятъ, онъ навѣрное напишетъ для историческаго журнала свои мемуары. Назоветъ ихъ просто: «Мое дѣтство».

Мое дѣтство.

Многіе помнятъ себя еще раньше, но я началъ помнить себя съ семи лѣтъ. Это было большою ошибкой. Если бы я началъ помнить себя лѣтъ съ сорока, когда жизнь въ Россіи приняла приличный и удобныя для существованія характеръ, — я бы смогъ умереть оптимистомъ. Теперь этого не произошло.

Какъ сейчасъ помню, ласковый голосъ моей матушки, какимъ она разговаривала съ моимъ отцомъ.

— Петя, дай Володечкѣ чаю. Только смотри, чтобы ребенокъ не схватилъ сахаръ. Въ домѣ всего полфунта, а черезъ мѣсяцъ ты именинникъ, и придутъ гости.

— Хорошо, Наташа, — отвѣчалъ въ этихъ случаяхъ отецъ, нѣжно глядя меня по головѣ, — ребенокъ можетъ обойтись и безъ него. Возьми примѣръ изъ естественной исторіи, — какой величины достигаютъ жираффы, казуары и вообще, а между тѣмъ самцы и самки не даютъ имъ ни куска сахара. Пей, Влодечка.

Я росъ любознательнымъ и пытливымъ ребенкомъ. У моего отца въ кухонномъ шкафу была прекрасная библіотека. Тамъ была талонная книжка на дрова, нѣсколько карточекъ на продукты, книжка на спиртъ и старыя счеты за электричество.

Отецъ часто бралъ меня на руки и, глядя по головѣ, читалъ все это вслухъ.

— Будь умнымъ, Володя, — говорилъ онъ, — не шали, не проси ѣсть и пить, слушайся мамы, а когда вырастешь большою, у тебя будетъ своя карточка на сливочное масло.

— А что съ нимъ дѣлать, папочка? — съ загорѣвшимися глазенками спрашивалъ я.

— Еще недавно, когда люди были дики, его ѣли.

— А теперь?

— Теперь тоже ѣдятъ. И тоже дики люди.

Ахъ, какъ въ это время я хотѣлъ быть дикимъ человекомъ... Вѣдь всѣ въ томъ возрастѣ хотятъ быть индѣйцами... Однажды къ нашей прислугѣ зашелъ въ гости одинъ дезертиръ. Ему такъ понравилось у насъ, что онъ внезапно объявилъ себя губернскимъ комиссаромъ и остался навовсе.

Отъ него я впервые узналъ сказки. Онъ зналъ ихъ очень много, но каждая изъ нихъ начиналась однообразно:

— Приходить это, значитъ, королевскій сынъ къ бабѣ-ягѣ, да какъ дастъ ей по мордѣ...

Или:

— Идетъ сѣрый волкъ, а насупротивъ ему идетъ заяцъ. Да какъ дастъ ему по мордѣ...

И мораль у каждой сказки тоже была одинаковая съ другими.

— Выпустилъ ему, значитъ, кишки и пошелъ, а самому легко стало.

Это мнѣ понравилось настолько, что однажды въ гостяхъ, когда мнѣ стало скучно, я предложилъ хозяйскому сыну:

— Давай твоему папѣ кишки выпустимъ?

Это предложеніе его заинтересовало.

— А зачѣмъ? — съ отбѣнкомъ уваженія къ моей находчивости спросилъ онъ.

— Какъ зачѣмъ? Легче станеть.

Послѣ этого меня перестали водить въ гости, и питаніе значительно ухудшилось.

Какъ-то я спросилъ у отца, что такое конфеты. Въ порывѣ сожалѣнія онъ сказалъ, что это красивый миѳъ о

сладостяхъ, который я буду проходить потомъ навѣрное въ шестомъ классѣ гимназіи, такъ какъ маленькимъ это знать еще рано.

Впрочемъ, въ валной я нашелъ и самъ пустую коробку изъ подъ конфетъ съ чѣмъ-то бѣлымъ, попробовалъ и очень не понравилась. Позже, папа чистилъ этимъ же зубы и не сердился.

Было, конечно, много-много разочарованій. Однажды, въ порывѣ гнѣва, за то, что я наступилъ ногой на катышекъ ихъ хлѣба, выпавшій изъ рукъ постя (позже изъ него приготовили бы бутербротъ съ кожурой изъ колбасы къ вечернему чаю), отецъ почему-то крикнулъ, что у меня еще на губахъ молоко не обсохло. Я очень обрадовался и долго выжималъ губу надъ стаканомъ. Увы, — она была сухая. Потомъ, однажды, укоряя за что-то прислугу, отецъ сказалъ, что она здорова, какъ быкъ, и что у нея кровь съ молокомъ. Поздно ночью, съ тѣмъ же стаканомъ я пробрался къ ней на кухню и началъ сверлить ей бокъ маленькимъ перочиннымъ ножомъ.

Молока не было. Кровь была. Кухарка долго не могла успокоиться.

Позже я узналъ, что все произошло изъ-за того, что у меня не было молочной карточки.

Папа часто рассказывалъ за столомъ о событіяхъ текущей жизни, при чемъ онъ очень часто спорилъ съ мамой, которая настаивала на томъ, что во всемъ, вплоть до пропажи изъ дома ея туфлей, виноваты большевики, а папа увѣрялъ, что все это дѣлаютъ кадеты.

На мой неокрѣпшій умъ это дѣйствовало до того подавляюще, что, когда я разбилъ лучшую въ домѣ пизанскую вазу, гоняясь за кошачьимъ хвостомъ, я рѣшилъ придать этому событію характеръ общественнаго бѣдствія и объяснилъ папѣ, что это сдѣлали кадеты.

— А мама это знаетъ?

— Да, я уже сказалъ ей, что это сдѣлали большевики.

На этотъ разъ и папа и мама нашли путь для схождения, и оба оставили меня безъ обѣда.

Когда я всталъ изъ-за стола, послѣ мрачнаго изученія перевернутой тарелки, отецъ любовно посмотрѣлъ мнѣ вслѣдъ и шепнулъ матушкѣ:

— Вотъ и не побѣлъ ребенокъ.

— Ты у меня умный, — дрогнувшимъ ютъ ласки голосомъ отвѣтила эта добрая женщина.

А отецъ, закуривъ папиросу, добавилъ:

— Разумная экономія украшаетъ жизнь.

Иногда я съ моими сверстниками игралъ на дворѣ въ солдаты. Игра эта была незапѣливая. Одинъ изъ насъ говорилъ: «Разъ-два-три», а остальные бѣжали. А, такъ-какъ я почти всегда изображалъ комиссара, меня потомъ били.

Какъ-то я сказалъ отцу, что, когда буду большимъ, женюсь на принцессѣ и заведу коня.

Онъ отвѣтилъ рѣшительно:

— Дуракъ. Принцессу низложатъ, а коня сожрешь со своей же любовницей. Лучше женись на дочери районнаго уполномоченнаго, по крайней мѣрѣ сытъ будешь, а на велосипедъ никто не позарится. Велосипедятину и въ твое время ѣсть не будутъ.

Гулялъ я мало, потому, что въ мое время были часто кризисы власти, и очень многого стрѣляли на улицахъ. А я еще былъ ребенкомъ и не могъ даже владѣть простымъ пулеметомъ, — куда же мнѣ было показываться на улицу.

— Мои сверстники, впрочемъ, ходили по улицамъ и кричали: «Долой десять министровъ капиталистовъ».

Зато у насъ на нашей улицѣ было всегда весело: дѣлали облавы и требовали паспорта. Пытливымъ дѣтскимъ взглядомъ я смотрѣлъ изъ окна и завидовалъ. Кому? Кто же пойметъ дѣтское сердце...

Дѣтство мое заканчивалось ко дню, когда мнѣ минуло восемь лѣтъ. Въ этотъ день отецъ поздравилъ меня, подарилъ мнѣ мятную лепешку, которую нашелъ у себя въ карманѣ стараго смокинга, и сказалъ:

— Восемь лѣтъ ужъ тебѣ...

Въ голосѣ его не было слышно законной отцовской гордости.

— Восемь лѣтъ папочка...

— Такъ сказать, лишній ротъ въ семьѣ...

Думая, что это одна изъ моихъ заслугъ, я отвѣтилъ, что постараюсь.

Отецъ нѣсколько разъ похлопалъ меня по плечу, потомъ остановился, схватилъ линейку и ударилъ ею.

Началось отрочество.

Арк. Буховъ.

Н А Б А Т Ъ.

Когда страна охвачена пожаромъ,
Когда разруха всюду и вездѣ,
Когда ударъ валится за ударомъ
И слышенъ крикъ: «Отечество въ бѣдѣ!»

Когда свободы пурпурное знамя
Колелется подъ ярый звонъ мечей, —
Не потушить бушующее пламя
Потоками рѣчей.

Какой-нибудь отечественный Муцій,
На митингъ предъ сѣрою толпой,
Поможетъ ли десяткомъ резолюцій
При возгласахъ: «Да здравствуетъ!» — «долой!»

Иль на столбцахъ воинственной газеты,
Въ «земгорской» формѣ тыловой пѣи,
Строча «ура-побѣдные» куплеты —
Свободу укрѣпить?

Теперь нельзя жужжать, подобно осамъ,
Размѣнивать идею на гроши...
Строча «ура-побѣдные» куплеты,
— Туши!

Жакъ Нуаръ.

Э С П Е Р А Н Т О

(По ЖюльВерну и Блерю.)

А. С. Триха.

I.

Бонжуръ. Ёоку. Кишкильды.

Я плавалъ въ Беринговомъ проливѣ. Насъ было восемь.
Къ концу лѣта я остался одинъ (семеро погибло въ борьбѣ
съ кашалотомъ) и высадился на маленькомъ островкѣ Тупей.

Здѣсь я нашель прекрасно оборудованную мастерскую.
Ея владѣлецъ, единственный человѣкъ на островѣ, приблизился
ко мнѣ спиралью голубыхъ полярныхъ лисицъ и сказалъ:

— Иди; я покажу тебѣ „Суссекскаго человѣка“.

Мы вошли въ мастерскую.

Я увидѣлъ огромный стеклянный шаръ съ множествомъ
приспособлений и загвоздокъ. Все сверкало.

— Меня зовутъ Гарсія, — сказалъ неизвѣстный, — а
это изобрѣтеніе, въ которомъ мы немедленно сдѣлаемъ набѣгъ
на страну Эсперанто, изобрѣтено мной. Его наименование
„Суссекскій человѣкъ“. Находящійся внутри шара — не-
уязвимъ и недосягаемъ.

— То есть?

— Это универсальный „Танкъ“.

— Все понялъ. Гдѣ печельница?

— !?

— Восторгъ испепелилъ меня, о, Гарсія, величайшій изъ
капитановъ!

— Да, негодяй плѣнной жизни, я покажу тебѣ истин-
ную свободу и разрушу проклятыхъ эсперантиевъ. Все го-
тово. Садись!

Схвативъ меня за руку, онъ вошелъ вмѣстѣ со мной,
сквозь стѣнку шара. На мнѣ загорѣлись волосы.

— Это — электричество, — сказалъ Гарсія, прикладывая къ
обоженнымъ мѣстамъ прохладительныя магnezіальныя лепешки.
Здѣсь все дѣйствуетъ электричествомъ.

Онъ повернулъ рычагъ. Раздался свистъ взрываемыхъ
атомовъ и „Суссекскій человѣкъ“, скользя надъ Сибирью,
взвился, на высоту тысячи метровъ надъ городомъ Эспе-
ранто.

II.

Неверморъ. Хугъ. Банзай.

Эсперантии, какъ извѣстно, жили и дѣйствовали скопомъ,
но, говоря на ста восьмидесяти нарѣчійхъ, плохо понимали
другъ друга.

Примѣры разнозначенія общеупотребительныхъ выра-
женій:

1. „Я васъ люблю!“ = „Пошла вонъ!“ = „Трефи ко-
зыри“

2. „Государство“ = „базаръ“ = „вольнка“.

3. „Идеализмъ“ = „велосипедъ“ = „кошелекъ“.

4. „Народъ“ = „бабки“ = „оторви ухо“.

И т. д. Поэтому, въ большинствѣ случаевъ, эсперантии
объяснялись знаками.

— Посмотри-ка! — сказалъ Гарсія, передавая мнѣ зри-
тельную трубу. — Они, кажется, замѣтили насъ.

Дѣйствительно, какъ разсмотрѣлъ я, на главной площади
Эсперанто собралась туча народа. Всѣ показывали на насъ.
Кого-то уже били.

Гарсія заигралъ кнопками, коими усѣяно было все дно
„Суссекскаго человѣка“ и нзшъ аппаратъ, камнемъ мелькнулъ
внизъ, опустился, безъ малѣйшаго сотрясенія въ центрѣ пло-
щади Глазенаповъ, раздрыгавъ толпу, какъ кисель, — безъ
убіенія, — единственно ужасомъ и изумленіемъ.

Почтенные эсперантии однако быстро собрались
вновь, столь густой, облѣпившей насъ и безъ передышки
визжащей массой, что я, несмотря на все поклоненіе геніаль-
ности Гарсія, подумывалъ уже о смертномъ покоѣ. Гарсія
ободрилъ меня, сказавъ:

— Болтуны не повредятъ намъ. Ляжемъ спать. Завтра
мы увидимъ мэра, затѣмъ солдатъ, а затѣмъ произойдутъ та-
кія шутки, отъ которыхъ содрогнется весь Эсперанто.

Я поинтересовался судьбой младенцевъ, Гарсія отвѣтилъ
что обрекаетъ и младенцевъ той самой участи, какую опре-
дѣлили ихъ папашамъ и мамашамъ.

Раздался свистъ разрушаемыхъ свѣтовыхъ и звуковыхъ
волнъ, и „Суссекскій человѣкъ“ погрузился въ полную тьму.
Стало тихо, какъ на допросѣ. Снаружи былъ день и вой, —
внутри — тьма и покой. Возжегши стеариновую свѣчу,
свѣтъ которой былъ невидимъ на площади, мы разостлали
тюфячки и заснули совершенно безопасно.

Шаръ, снаружи, имѣлъ теперь видъ непроницаемой чер-
ной сферы, внутри которой похрапывала и нѣжилась Великая
Тайна.

III.

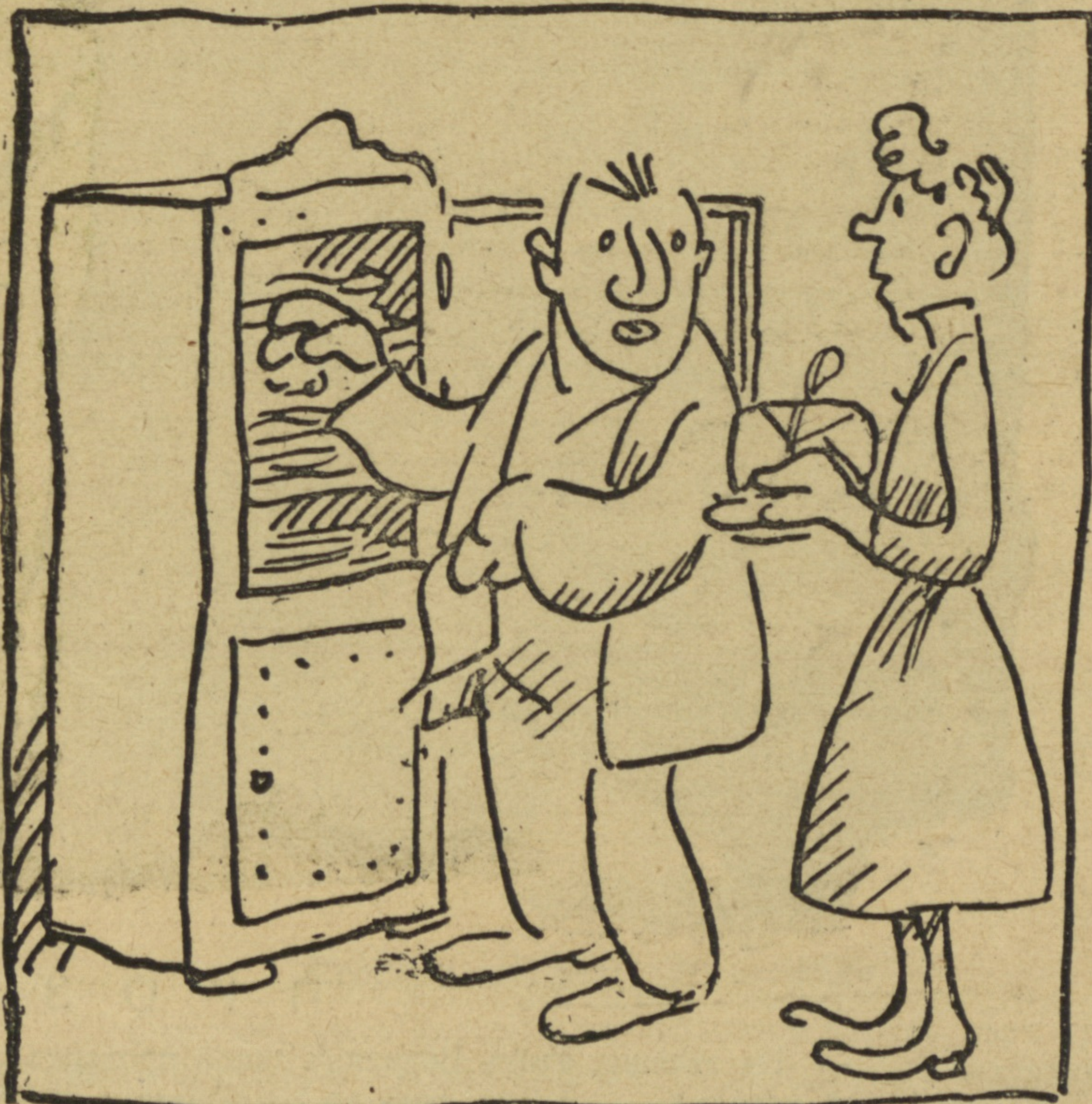
Же ву земъ. Сорте. Ву Пиль.

Когда мы проснулись, Гарсія сдѣлалъ свѣтъ. Тьма лоп-
нула: „Суссекскій человѣкъ“ явилъ удивленному міру зрѣ-
лище двухъ джентльменовъ, возсѣдающихъ, за стекломъ, съ
чашкой кофе въ рукѣ и громадной сигарой въ зубахъ, бли-
стать, какъ луна.

Мы еще не возстановили звукового контакта. Мы только
видѣли, но не слышали. Площадь была усѣяна спящими

Н О В Ы Й Б Ы Т Ъ.

Рис. Н. Радлова.

— Опять бумаги туда складываешь? Чортъ знаетъ что такое!
Въ домѣ есть четверть фунта сливочнаго масла, сосѣди вол-
нуются, а ты несгорасмый шкафъ своими бумагами занимаешь.

П Р О З А И К Ъ .

— Ты знаешь, этот Возилинъ такой прозаикъ... Я ему говорю вчера: „Вотъ осень, природа ежедневно мѣняетъ свой нарядъ“... А онъ даже не дослушалъ и ворчить: „Ей-то, говорить, легко мѣнять наряды, а каково тому, кому это оплачивать приходится“..

Рабочій: — Ишь ты, кажется и революція была, а попрежнему ихъ брать буржуй на нашемъ брэгѣ пролетаріи все еще разбѣзжаетъ.

Всѣ ждали на мѣстахъ, чѣмъ кончится невиданное. Лишь десятокъ-другой мальчишекъ, сплющивъ носы о непрозрачное стекло сферы, показывали намъ языки и кукиши.

Поигравъ кнопками, Гарсія закричалъ:

— Встать!

Площадь заколыхалась. Показался мэръ, во главѣ цѣлаго батальона стрѣлковъ. За ними ѣхала пожарная команда, артиллерія, пулеметы и бронированные автомобили.

Все сгрудилось, возопило, зазвякало и устремило на насъ глаза.

Начиналось трагическое.

Я ушелъ въ себя.

Гарсія захохоталъ дьявольскимъ смѣхомъ.

Мэръ поблѣднѣлъ и, сдвинувъ брови, выпятилъ колесомъ грудь.

Наступила томительная, зловѣщая тишина.

Мэръ началъ:

— Привѣтъ вамъ, великіе путешественники, прибывшіе, безъ сомнѣнія, съ Луны, Меркурія, Марса, Венеры или Сатурна. Ваше появленіе изумительно. Осолочка, заключающая васъ въ себѣ...

— Диспензональное стекло, обработанное висмутомъ и ураніемъ, — перебилъ Гарсія.

— И ураніемъ. И ураніемъ... Заклучаетъ въ себѣ чудесную разновидность органической...

— Испанскій дворянинъ Гарсія и его ассистентъ Мулино.

— Мулино. Господинъ Мулино и господинъ Гарсія! Великая Эсперанто, благоговѣя предъ чудеснымъ изобрѣтеніемъ вашимъ, проситъ, въ моемъ лицѣ, посвятить насъ всѣхъ въ смыслъ вашего появленія!

— Господинъ мэръ! — любезно отвѣчалъ Гарсія, — я предлагаю вамъ выслушать меня внимательно и спокойно. Все-равно, вы впадете въ бѣшенство, поэтому будьте кротки пока что, ради вашего драгоценнаго здоровья.

Тутъ подскочили газетные репортеры. Защелкали кодаки. Гарсія продолжалъ:

— Идея абсолютной недостижимости не давала мнѣ покоя въ теченіе сорока лѣтъ. Истинная свобода доступна мнѣ и

Мулино, — никому больше. Почему? Потому, что мы сидимъ въ „Суссекскомъ человѣкѣ“, изобрѣтенномъ и сдѣланномъ лично мной на островѣ Тупей. Принципы изобрѣтенія: радій, электричество и ээиръ. Свойства: неразрушаемость полная; власть надъ тьмой, свѣтомъ, звукомъ и зеленымъ притяженіемъ, ошараивающая быстрота передвиженія и способность проникать даже въ сталь легче, чѣмъ пуля гвоздитъ воздухъ. Резюме: мы изолированы. Мы въ безопасности. Мы сдѣлаемъ, что намъ заблагоразсудится. Мы дерзко демонстрируемъ это. Спокойно, безъ жестикюляціи и тревогъ, будемъ мы, на вашихъ глазахъ, сидя здѣсь, пить кофе съ имбирными сухариками и курить наши Чивитта-Веккіа, а вы, эсперантии, — трепещите! Вамъ остается обсуждать это великое событіе на всѣхъ вашихъ ста восьмидесяти нарѣчіяхъ!

— Довольно! — вскричалъ мэръ. — Довольно, дворянинъ Гарсія! Такъ не будете же вы пить кофе съ имбирными сухариками! Не будете вы курить Чивитта-Веккіа!

— Нѣтъ, буду, — возразилъ Гарсія съ твердостью, отличавшей этого человѣка во всѣхъ серьезныхъ случаяхъ. — Скажу болѣе: я уничтожаю звуковое соединеніе, и мы болѣе ничего не услышимъ. Изрѣдка я буду поучать васъ короткими фразами.

Раздался свистъ и т. д., и я услышалъ лишь мелодичное бульканье спиртового кофейника. Киноматографически движущая руками и губами, толпа окружала насъ, кидая яростные взгляды на сухарики.

IV.

Терроръ. Шаржъ. Мизерабли.

Очистивъ часть площади во избѣжаніе жертвъ, мэръ приказалъ артиллеріи пустить снарядъ въ „Суссекскаго человѣка“. Артиллеристы прицѣлились. Я струсилъ. Гарсія презрительно улыбнулся. Орудіе отказалось, пулънулъ клубъ дыма и темная струя, пискнувъ по блистающей оболочкѣ шара, всползла, какъ паръ, вверхъ. Это снарядъ, мгновенно растворенный вихревыми электрическими слоями, исчезъ, подобно мыльному пузырью. Я ободрился. Толпа етрусила.

Гарсія помочилъ сухарикъ въ горячемъ кофе и скушалъ.
Я тоже.

— Эсперантіи! — сказала Гарсія, давая контактъ, — если вы не начнете говорить на одномъ языкѣ, придетъ страшный трубочистъ и всѣхъ съѣстъ!

Кичнула кнопка. Тишина. Насъ саданули залпомъ изъ двѣнадцати двадцатичетырехъ дюймовокъ. Нѣсколько мгновенья мы ничего не видѣли, — столько волнъ металлическаго пара окружило насъ. Когда онъ разсѣялся, мы увидѣли, что эсперантіи грызутъ локти, исходя злобой. Но, что съ нами подѣлаешь! Мы у себя, въ себѣ! Упавши на насъ всѣ соборы и всѣ горныя цѣпи міра, мы и тогда не обожгли бы губы кофеемъ, торопясь выпить его.

— Эсперантіи! — сказала Гарсія, давая контактъ, — надо работать, учиться, надо быть умными!

— Гу-у-у-у! Ар-варь-варь-варь! Клякъ. В-з-з-з-з!
Тишина.

V.

Пѣхота, въ смятеніи, убѣжала. Кавалерія разсыпалась. Артиллеристы побросали орудія. Толпа стояла, олутивъ руки. Мэръ померъ отъ разрыва сердца, и его унесли.

Гарсія сказала:

— Эсперантіи, совѣтую вамъ примириться съ тѣмъ, что я и мой другъ Мулино пьемъ кофе съ имбирными сухариками. Такъ надо, и съ этимъ вы ничего не подѣлаете.

Послѣ этого мы сдѣлали тѣму, тишину и принялись играть въ шахматы. Ради вящшаго впечатлѣнія, Гарсія погрузилъ „Суссекскаго человѣка“ мили на три въ глубину почвы. Утромъ на другой день нѣкоторый кошмарный результатъ нашей кофеенизации достаточно вознаградила Гарсія за его труды: всѣ эсперантіи померли отъ безсильной злобы; мы удостовѣрились въ этомъ, обзрѣвъ площадь и проникнувъ въ дома. Младенцы, уже умѣвшіе лепетать всяческое „Долой!“, лежали съ пѣной у рта. Взрослыхъ скрючило.

— Вотъ слѣдствіе излишней нетерпимости! — сказалъ Гарсія, — а вѣдь кофе пили и эсперантіи.

Такъ погибъ гордый, непримиримый народъ. Въ бумагахъ моего дяди, извѣстнаго путешественника, я нашелъ слѣдующій любопытный меморій (пять лѣтъ спустя послѣ описанныхъ происшествій):

30-го іюля 1918 года. Наконецъ, я посѣтилъ знаменитый таинственный Эсперанто. Онъ пустъ. Въ немъ ни одного жителя. Нѣтъ даже собаки.

Болѣе ничего не видѣлъ и не замѣтилъ.

А. С. Гринь.

Рис. Миссъ.

ПОЛЕВИКЪ

За курганомъ, за ветхой деревнею,
Думу лютую въ молнію свивъ,
Вышелъ пахарь-мужикъ въ поле древнес,
Матерой, неразгаданный скиоѣ.

Передъ нимъ запустѣлою пашнею,
Въ чернобыльи сухомъ ковыля,
Потомъ, кровью, слезами пропахшая
Пролегаеть полоска-земля.

Одичалыя шлетъ ей проклятія
Вѣщій пахарь — за засуху-сушь,

За каменя, за адъ, за распятіе
Хлѣборобовыхъ праведныхъ душъ...

Вотъ навстрѣчь мужику изъ расщелины
Кувыркается чортъ-полевикъ,
Лебезитъ: «Полюби свою цѣлину:
Блажь, кто къ камню и поту привыкъ!»

Ты не брезгуй, миляга, чертякою;
Я твою же вѣдь пользу блюду:
Изучи агрономію всякую —
Снимешь трижды съ полоски въ году.

А поля да лѣса, да урочища
Ты оставь для раздолия мнѣ —
И, воздавши свои тебѣ почести,
Буду жить я съ тобой въ тишинѣ».

Но, крестясь и чураясь неистово,
Думой-молніей люто разя,
Гикнулъ, топнулъ мужикъ на нечистаго:
— Ахъ, ты, выжига, чортъ-егоза!

Не морочь ты наукой аглицкою,
Заруби ты себѣ на носу:
Коль полѣзешь на землю мужицкую —
Мигомъ голову дурью снесу!

Будеть выть на каменяхъ да ахать намъ!
Знай: отнынѣ вся пашня моя!
А вдвоемъ на раздолии пахотномъ
Намъ не жить: или ты, или я.

Заюлилъ, закружился веролою,
И въ провальѣ чертяка исчезъ.
Мужику спѣли пѣсню веселую
Вѣтры, тучи, поляны и лѣсъ...

Пимень Карповъ.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Морису П. — Вы прямо ставите насъ въ нелѣзкое положеніе, предлагая вопросъ такъ ребромъ:

„Развѣ это плохо, если я могу
Написать стихотворенъе?
Предлагаю другу или врачу
Разрѣшить мое недоумѣнье.
Не могу понять: вѣдь такъ легко писать —
Почему же многіе не пишутъ?
Эхъ, пишите всѣ! Пишите, голь и знать!
Сочиняютъ пусть философъ и шутъ“

Не обращайтесь ни на кого вниманія и пишите, Морисъ П. Только лучше на пишущей машинѣ и подъ диктовку. За это въ солидной конторѣ можно хорошее жалованье получать и даже наградныя къ празднику.

Б. Провинція.

Кіевъ. И. Лев—ну. — И. Л—нъ дѣлится своими впечатлѣніями

„Кіевская картинка“
Сіжу на Крещатикѣ въ кафэ и смогрю:
Вотъ ведутъ воровъ
Вотъ напротивъ предають ауто-да фэ
Кіоскъ большевиковъ
Печальная картина эта, темень нашъ народъ
И къ кофе поданная галета не идетъ въ ротъ.

У многихъ современныя событія тоже вызываютъ полное отсутствіе аппетита, но вы первый, кто по этому поводу обращается къ намъ. Не помогаемъ.

Рига. М—х—му. — Неужели это правда?

Такъ вчитаться я успѣлъ въ вашъ „Сатириконъ“,
Что меня оттуда не вытащитъ вонъ.
Все я въ немъ глотаю точно пищу: амъ!
Можетъ быть пріѣду даже скоро самъ.

Редакція съ нетерпѣніемъ ждетъ этого сладкаго момента. Если есть родственники — и ихъ захватите. Телеграфируйте, когда встрѣчать.

Арк. Б.

Редакторы: { Арк. Буховъ.
А. Т. Аверченко.

Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Тел. 59-07.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59—07.

Выписывающіе со склада издательства на сумму не менѣе 3-хъ руб. за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія книги:
Театральная библіотека „Новаго Сатирикона“.

Аркадій Аверченко.

Томъ 1-й. 8 одноактныхъ пьесъ.
Цѣна 2 рубля.Томъ 2-й и 4-й. Бенгальскіе огни.
Цѣна 2 рубляТомъ 3-й. Чортова дюжина.
Цѣна 2 рубля.Томъ 5-й. Безъ суфлера.
Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ 6-й. Подъ холщевыми небесами.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Тэффи.

Томъ 1-й. 8 миниатюръ.

Цѣна 2 рубля.

Томъ 2-й. Новыя миниатюры.

Цѣна 2 рубля.

Дешевая юмористическая библіотека „Новаго Сатирикона“.

№ 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 11, 12 —

Аркадій Аверченко.

№ 13 — Тэффи.

№ 14 — Г. Ландау.

№ 15 — Аркадій Аверченко.

№ 16 — О. Л. Д'Орь.

Спеціальныя выпуски Дешевой библіотеки.

Аркадій Аверченко.

О нѣмцахъ и о прочемъ... такомъ.

Пять чемодановъ.

Записки театральной крысы.

Человѣки.

Позолоченныя пилюли.

Вл. Азовъ.

Шипы безъ розъ.

Тэффи.

Зарево жизни.

Житье-бытье.

О. Л. Д'Орь.

Проклятiе начавшимъ.

Аркадій Буховъ.

Точка зрѣнія

Цѣна каждаго выпуска — 20 коп. — Книготорговцамъ — скидка обычная.

5-й годъ
изданія.ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА5-й годъ
изданія

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ПЯТЬ ЦѢННЫХЪ ПРЕМІЙ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 10 руб., съ пересылкой и доставкой 11 руб., на полгода 5 руб. 50 коп., на 1 мѣс. 95 коп.

ЦѢНА за объявленія — нонпарель 1 строка 1 руб.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, № 88. Телефонъ 59-07.

Перемѣна адреса

Контора журнала, „Новаго Сатирикона“ взымаетъ съ гг. подписчиковъ за перемѣну адреса 30 коп. и проситъ прилагать старый адресъ.

ИГРАТЬ на пианино и рояли

можно выучиться каждый въ самый короткий срокъ безъ помощи учителя и безъ всякой музыкальной подготовки, только по ново-изобрѣтенной, легкой и понятной системѣ „Эврика“. Въ самоучитель „Эврика“ входятъ вальсы: „Осенній сонъ“, „Надъ волнами“, романсы „Не оставь меня“ и др. Вышли изъ печати альбомы: 1-й, 2-й, 3-й и 4-й по той же системѣ, въ которые входятъ: „Хризантемы“, „Чайка“, „Бѣлая акація“, „Какъ хороши тѣ очи“, „Жаворонокъ“, муз. Глинки, знаменитая „Мазурка“ Веявскаго, „Краковякъ“, „Вальсъ Интермеццо“, „Гусары усачи“, и мн. др. Имѣется много одобрительныхъ отзывовъ. Свидѣтельство заявлено въ Министерствѣ Т. и Пр. Цѣна самоучителя „Эврика“ 10 руб. Цѣна каждаго альбома 5 руб. Высыл. наложен платежемъ. Треб. адресовать автору-издателю С. К. Ханбекову, Москва, Петровскія ворота, 2-й Знаменскій, домъ 7, кв. 25.

(Вырѣжьте это объявленіе и сохраните.)

Вышла новая книга:

Бор. Мирскій.

„КРАСНЫЙ РЕПЕЙНИКЪ“.

(Памфлеты революц. дней.)

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА:

Арк. Бухова.

„ТИХІЯ НЕПРІЯТНОСТИ“.

КООРИН

совершенно устраняетъ запоры, пробная коробка донаетъ Вамъ это.

Вы сразу избавитесь отъ пученія газами, тошноты, изжоги, отъ катара, геморроя и головныхъ болей. Ваше настроеніе улучшится, нервы окрѣпнутъ, появится сила, энергія и свѣжій видъ. Требуется въ ближайшей аптекѣ или складѣ. Кооринъ-Стать абсолютно безвреденъ.

ДАРОМЪ мы вышлемъ Вамъ очень цѣнную и интересную брошюру.

К-ра Лабораторіи Кооринъ-Стать.

Петрогр., Николаевск., 16, бѣд. 53.

О Б А Х У Ж Е.

Рис. Б. Антоновича.

Раньше. — Ахъ ты, хохоль несчастный! Я тебѣ покажу, какъ по украински ребятъ учить!

Теперь. — Ахъ ты, москаль несчастный! Я тебѣ покажу, какъ по-русски ребятъ учить!..